

III ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
14-15 НОЯБРЯ 2024 ГОДА, ТАГАНРОГ

**«ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ»**

МАТЕРИАЛЫ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО РГЭУ (РИНХ)
ГБУК РО «Таганрогский государственный литературный и
историко-архитектурный музей-заповедник»
ГКУ РО «Государственный архив Ростовской области»
ООО «ОКН-проект»
при поддержке ИП Е. А. Алексеенко

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции
14–15 ноября 2024 года, Таганрог

Ответственный редактор В. А. Агеева

Ростов-на-Дону
Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ)
2024

УДК 902 93/94
ББК 63.4
ИЗ9

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук А. А. Волвенко, канд. ист. наук Н. А. Трапиш,
канд. ист. наук В. А. Агеева (отв. ред.),
Я. В. Прудников, Е. А. Алексеенко, М. А. Деняев

ИЗ9 Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы III Всероссийской научно-практической конференции 14–15 ноября 2024 года, г. Таганрог / отв. ред. В. А. Агеева. — Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2024. — 400 с.

ISBN 978-5-7972-3355-8

В сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции «Изучение и сохранение исторических некрополей» вошли статьи, носящие междисциплинарный характер и рассматривающие вопросы документирования и музеефикации исторических некрополей, исторической трансформации национальных и конфессиональных погребальных практик на материалах Южного Федерального округа. В ряде исследований содержатся результаты археологических, антропологических и обрядовых исследований грунтовых и курганных могильников, в том числе на территории Сирии. Особое внимание уделено захоронениям советских воинов и жертв нацистов и их пособников периода Великой Отечественной войны на территории Российской Федерации и Германии.

Издание предназначено для археологов, историков, антропологов, музейных сотрудников, преподавателей и обучающихся вузов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 902 93/94
ББК 63.4

*Утверждена в качестве материалов конференции
Редакционно-издательским советом РГЭУ (РИНХ)*

ISBN 978-5-7972-3355-8

© Коллектив авторов, 2024
© РГЭУ (РИНХ), 2024
© ООО «ОКН-проект», 2024

В. Н. Кальниченко

ПОХОРОННО-ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ДОНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ЛОКАЛИЗАЦИЯ И АТТРИБУТЫ

*Все мы смертны, но не все согласны в том,
что такое смерть.*

Американский философ
Томас Нагель

Настоящее исследование мы начинаем с выражения известного американского философа Томаса Нагеля. Почему же он? Томас Нагель — один из наиболее известных исследователей ума [1]. В то же время американский философ в своих исследованиях касается проблемы восприятия живыми людьми смерти. Важно отметить, что значительное место в его академической деятельности занимает концепт субъектного [2]. Конечно, упоминаемый нами философ не занимался изучением сельского населения, рассматриваемого нами микро-региона, однако предметом его научных интересов все же являлась оценка человеком смерти и границ за ее пределами [3, с. 34].

Итак, целью данного исследования является рассмотрение похоронно-погребальных практик сельского населения Нижнего Дона в советский период. Для разрешения поставленной цели нам необходимо описать похоронно-погребальные практики сельского населения Нижнего Дона, определить общие

атттрибуты и локализовать особенные черты данных практик.

Также необходимо сказать и об употребляемых методах настоящего исследования. Прежде всего, мы обратились к методу интервьюирования сельского населения. Для устного опроса граждан малых населенных пунктов (станций, хуторов) мы разработали два вида вопросника: первый — для православного населения (47 вопросов). Второй вопросник — для старообрядцев (39 вопросов). В ходе проведения интервью были затронуты вопросы о подготовке к смерти (предчувствие, одежда, гроб), названии и значении одежды (мужчин, женщин), месте приобретения или хранения гроба, об участниках омовения тела покойного, об определении этой воды, дне похорон, одежде, об отпевании, о погребальном инвентаре, предотвращении запаха, об оформлении гроба, о переносе тела из пространства дома на кладбище, об остановках, месте, участниках, о размерах могилы, о прощании с покой-

ным, положении гроба по отношению к кресту, о поминальном столе (блюда, сервировка, напитки), участниках, о поминальных днях (3, 9, 40 день и т. д.), о поминальных практиках, о местонахождении воды и хлеба (в т. ч. уничтожении), о накрытии предметов в доме и значении, об участии покойника в жизни родственников, о поверии о загробном мире, об использовании атрибутов похоронно-погребальной практики для живых. Важно подчеркнуть, что перечень задаваемых вопросов представлен обобщенно, ряд вопросов несли уточняющий характер, и раскрытие изучаемой проблемы напрямую зависело от информированности респондента и умения интервьюера скорректировать направление опроса. В рамках данного исследования нам удалось опросить жителей хутора Обуховского (Азовский район), станицы Манычской (Багаевский район), хутора Исаевского, станицы Мелиховской, станицы Раздорской, хутора Коныгина (все Усть-Донецкий район), хутора Мостовского, города Семикаракорска, хутора Больше-Кузнецовского, хутора Павлова, хутора Маломечетного (все Семикаракорский район), станицы Калининской (Цимлянский район). Год рождения респондентов: 1929–1959. Всего — 15 человек.

Использование метода интервью позволяет выявить исследователю универсальные и оригинальные элементы похоронно-погребальной практики. На наш взгляд, нельзя пренебрегать и общенаучными методами — описания, анализа и синтеза. Данные методы позволяют нам локализовать выявленные элементы и показать свойственные конкретной местности атрибуты. И, наконец, метод интерпретации будет отражать понимание респондентом смыслов, вложенных в атрибутивность похоронно-погребальной практики. Однако, во многих случаях знания о символической характеристике данных практик респондентами утрачена. В этой связи мы и не ставим перед собой задачу осмысления рассматриваемых практик.

В настоящее время в отечественной историографии проблема похоронно-поминального обряда донских казаков не получила должного внимания. Однако, некоторые публикации все же вносят некоторую ясность в данном вопросе и открывают перед исследователями новые

горизонты изучения данной проблематики. Так, Т. Ю. Власкина отмечает 3 этапа присущих данному обряду: «...предпогребальный, собственно похороны и поминальный» [4, с. 246]. Первый этап считался наиболее продолжительным и включал весь жизненный цикл человека: «принято собирать все волосы, чтобы впоследствии набить ими погребальную подушку и положить ее в гроб» [5, с. 36]. Автор также отмечает, что неотъемлемой частью первого этапа являлось изготовление гроба. В исследовании С. Ю. Пальгова, В. А. Шилкина на примере Нижнего Поволжья и Подонья рассматриваются два аспекта первого этапа. Авторы отмечают, что «смерть человека “на руках” близких родственников — благодать небесная. На пол, куда укладывали усопшего, стелили солому, полотно, одеяло, клеенку» [6, с. 97]. С. Ю. Пальгов, В. А. Шилкин заключают, что похоронный обряд в городской среде претерпел значительные изменения, в сельской же местности остался неизменным [6, с. 99].

В исследовании Т. Ю. Власкиной отмечается, что в Константиновском, Волгодонском, Тацинском, Цимлянском и Обливском районах казаки старообрядцы хоронили в подбойных могилах, иногда устраивались коллективные захоронения, похожие на склепы [5, с. 38]. Однако с данным утверждением автора позволим себе не согласиться. Подобной практики на территории Нижнего Дона в ходе нашей полевой работы не выявлено. Также необходимо сказать, что мы ранее предпринимали попытку изучения похоронной культуры старообрядцев Дона в советский и постсоветский период [7]. В публикации Т. Ю. Власкиной представлен анализ похоронной культуры донских казаков в разные исторические эпохи. Автор сообщает о наличии небольших камней в местах захоронений, о поминальных сроках и важности мест погребения [8]. В монографии Д. Дугласа рассматривается теория слова против смерти, в которой ярким проявлением является вера в загробную жизнь и действие ритуала на его посмертное существование. Конечно, валлийский антрополог не исследовал похоронные практики казачьего населения, однако представленная им теория позволяет нам предположить, что свойства погребальной

идентичности (место, обряд, представления) характерны для населения Нижнего Дона [9].

При этом данное определение необходимо использовать с осторожностью, так как в советское время похоронно-погребальная практика претерпела определенные изменения. Так, в публикации Е. Н. Капканова рассматривается проблема переноса станичных погостов в ходе строительства Цимлянского водохранилища на примере хутора Челбина Цимлянского района. Автор отмечает, что несмотря на комплекс выработанных инструкций по переносу кладбищ с мест затопления, кладбища остались нетронутыми до прихода «большой воды», которая и размыва соответствующий погребальный инвентарь (холмы, плиты, кресты и кости) [10].

Конечно, нельзя не упомянуть ряд монографий, статей общетеоретического характера: Л. С. Клейна [11], Д. Дугласа [12], А. Соколовой [13], М. Энгелке [14]. Отдельное внимание следует обратить на исследования авторов, которым в той или иной степени удалось рассмотреть систему захоронений, погребальный инвентарь, а также надгробных памятников [15; 16; 17; 18; 19].

Итак, одним из первых вопросов, адресуемых респонденту, был вопрос о предчувствиях смерти человеком у людей, которые его знали. О наличии внешних проявлений, сообщающих о будущем уходе человека в иной мир. Респондент из хутора Мостовского сообщает о следующих характерных явлениях: «Мы вот так, деду помереть, да? Летает вот такая зеленая муха (показывает размер — 3 см. — В. К.) и жужить, как жук, а потом две, три и десяток. Побыли, это ж мы предвещает, что смерть скоро. И улетают, уничтожаются. <...> А уже брат мой помер, тоже предвещало, какая-то смерть идет. Мухи тоже были» [20]. В городе Семикаракорске (станция на левом берегу Дона с 1845, город — с 1958 года) характерным маркером, сообщающим о будущей смерти, был стук птицы в окно [20; 21], а в станице Мелиховской — стук в окно человеком (хотя человека не было) [22]. В хуторе Маломечетном стук птицы в окно означал приход в гости [23]. Респондент А. И. Павлова из хутора Исаевского говорила также, что предвестниками смерти могут являться воющие собаки [21].

Совершенно редким упоминанием является собственная подготовка человека к смерти, предупреждение близких, ее ожидание и сама смерть (день и время). Так, «она умерла знаешь как? Пришла и говорить, смотри ж я в 2 часа дня буду помирать. Я ей говорю, ты что, баба Леля, дура что ли или с ума сошла? Она говорить, дура не дура и ровно в два часа и умерла. Она поставила скамейку, постелила на нее, положила подушечку. <...> Она утром постирала юбку свою кохту, вечером постирала. Она легла как будто спать. Руки сложила, обулася, все. Вечером обмылася, обкупалася, видишь как. Не болела, не горела, как оно получилось, я не знаю» [20].

В. А. Извощикова рассказывала, как ее мать перед смертью просила пригласить ее духовного отца (священноиерея Иоанна Рыбакова). Но он не смог прибыть, и к ней был направлен молодой священник (Иоанн Севастьянов): «И он ее и причастил и поисповедовал и все. И она на третье утро она ушла. Вот просто вот ждала, то есть. Ну я думаю, что Господь держал ее» [24]. Она же рассказывает и о другом случае: «вот, вот она значит, слышит, то есть девчата как-то сообщили, что мама. Бабушка кончается. Вот. Она же, как могла прилетела, прибежала. А она уже и глазки закрыла, как говорится, все. Но я как сама по себе знаю, вот. Мозг чувствует, мозг. Мозг, слышит. Он до конца не ушел, как говорится. Я умираю сама, поэтому я знаю, узнавается. Она ее схватила вот так, Парасковия, да Прасковушечка, да я с тобой не попрощалася, да я тебе все. Она открывает глаза и говорит: ну, что ты меня трепишь? Передо мной ангел мой стоит, а ты меня трепишь» [24].

Все меньше примеров мы наблюдаем у респондентов, которые говорят об уходе из этого мира «домой» или желании их перед смертью лечь на пол. Подобный случай нам удалось записать в хуторе Маломечетном. Ю. В. Кальниченко рассказывает о своей бабушке (Шабановой Дарье Ефимовне): «кричала, кладите меня на пол. Так она покричала-покричала, к утру и умерла» [23].

Несколько примечательных элементов можно отметить относительно тех, кто давно болел (лежачие). Например, З. П. Костина говорит о своем муже: «у меня муж умирал,

сам еще разговаривал, а кинулась он уже плохо говорил, а ноги, вот так, холодные были. Умер быстро» [25]. Т. А. Горлова рассказывает про своего деда: «у нас дед как-то говорил, старый: мух то понапустили, в дом. Он видит множество мух. Вот, понапустили, а там их не было» [26]. А. И. Павлова рассказывала иной случай: «дедушка Ваня (ее муж), вот он... Болел уже долго. Попросился в обедах, попросился, выведите меня вот на эту лавочку, на эту лавочку. Я посмотрю, мол, на свой дом, на свое подворье. Я хочу на улицу. Мы его вывели на улицу. Он сел тут, посидел немного. Я говорю, ну заводите, Наташа и Толик начали его заводить. Привели его на кровать, положили, а он меня спрашивает, Шура, погляди, раньше люди по глазам, погляди, у меня глаза не мутные, якобы, как глаза начинают мутнеть у человека, и человек в этот период умирает. Я говорю, да, ну, а я вижу, что он начинает глазами туда-сюда, туда-сюда, вот, вижу, что это как, что-то будет умереть» [21].

Определенным маркером приготовления к смерти было сооружение, приобретение и хранение гроба. Наиболее распространенным было приобретение гроба в колхозе у плотника. В меньшей степени гробы изготовляли самостоятельно (хутор Исаевский, хутор Павлов, город Семикаракорск, хутор Маломечетной, станица Манычская). Практически повсеместно (там, где были заготовлены) они хранились в доме «на палятьях» (чердак), но иногда в хозяйственных помещениях (станция Манычская). Редко упоминаются подробности о наполнении материалом гроба до его прямого использования. По сообщениям А. И. Павловой гроб засыпали зерном [21], а по сведениям В. А. Извошиковой «накрытый» [24].

Одежда мужчины. Все без исключения респонденты говорят о костюме (штаны, рубашка, пиджак), «носки тряпочные» [24] и «тухли новые положили» [20]. У старообрядцев ст. Манычской принято было хоронить только в рубахе (цвет не имел принципиального характера) и сшитые тапки [24]. Только старообрядцам присуще наличие пояса, которым подпоясывали рубашку покойника [24]. Неотъемлемым атрибутом была лестовка (старообрядческие четки) в левой руке покойного. Данный набор одежды готови-

ли мужчинам их женщины [20]. Респондент В. А. Извошикова уточняла, что ее мать еще при жизни отца примеряла ему штаны: «Вот у него как бы сказать, она пошире взяла, уже она думала, знала, видела, что он уже уходит и взяла пошире брюки, чтобы так уже ему одеть. И типа они получились ну они не брюки, а видимо, как трико, ну оно широкое такое, колоши широкие и тут значит она завязала ему как бы тут пояс, за который под поясом должен быть» [24].

Одежда женщины и ее местонахождение. Зачастую погребальный набор (узелок) готовили заранее: «одежда лежит 50 лет» [20]. Одежду эту называли «смертная». Респондентами также отмечается, что этот узелок указывал на принадлежность данного набора. Располагался он либо в сундуке, либо в шифоньере. Например, в городе Семикаракорске, хуторе Мостовском, хуторе Больше-Кузнецовском женщин принято было одевать «в юбке и кохте раньше, как хоронили. <...> Раньше хоронили вот тетку в Кузнецовки у церкви и там у хутор у нас, юбка и кохта была, шоб ни платьев, ни рубахи никакой, ничего» [20]. В станице Раздорской мы встречаем другой набор одежды: «платье, платок, чулки, тапочки, чувяки, как они их называли» [26]. По сведениям Ю. В. Кальниченко покойника нужно было одеть «в что не ношенное. Купил, значит надо одевать». Она дополняет, что бывает стыдно, если покойника оденут в старые вещи или, в крайнем случае, нужно было их постирать [23]. А. Я. Забазнова отметила, что «нельзя в одежде хоронить строченной, сшитой, а на живую нитку надо. Вот так. И вот это, твоя прабабушка (Е. Н. Капканова — В. К.) Ларисы Васильевны мать, она сама себе тапочки сшила, погребальные. Никакую обувь надевать не надо, а сшить надо с какой-нибудь толстой ткани себе башмачки» [27].

В хуторе Коньгине принято было хранить в узелке следующие вещи: «тапочки там какие-нибудь, туфельки, чи тапочки. Чулки обязательно. Ну одежда же. В чем же мы маму хоронили. Как же говорить на замужних хоронять, а не замужних... Че-то забыла, ребята. Кого-то хоронят, в юбке с кофтой, кого-то в платье. Платочек же, обязательно, на головку. Ну ночная, рубашки-рубашки ночные шили раньше. Мамочку

мы хоронили, сестра сшила ей рубашку». Она любила выбитые тут раньше, косыночки вот ей повязали, косыночку» [25]. В. А. Извощикова рассказывала о смертной одежде своих родителей: «отец там и что, полностью так и одевались. Как говорится. Мы ей одели, маме, рубашку. Нижнюю рубашку, как говорится, все. Вот это. Нижнее все белье. Чулки, все это одели. И потом значить, платок, вот это. Повясочку эту» [24].

Омовение покойника. В ванночку, «чашку» наливали воду, брали новое полотенце («невладанное») или «соседи или друзья. Грех было». Воду, которой омывали покойника, определяли по-разному: «шобы ни собака, нигде ничего, или яму, или загатье (загородь)» [20], на край огорода [24], «под дерево надо выливать. На территории подворья. Вот ненужное дерево и туда, чтоб там никто не ходил» [26]. Полотенце в последующем клали под покойника [20].

День похорон. Все без исключения респонденты сообщают о захоронении на 3-й день. Объяснялось это необходимостью его нахождения именно дома, «ухате». Например, «вот моя у тетка в церкви, сколько лет, да? Да всю жизнь прожила. Она говорила: покойник, он помер, трое суток лежит и слышит. Все он слышит. Нужно, чтоб он ночь переносежал, все проэнтевал» [20]. Общую тенденцию мы наблюдаем и в необходимости накрытия поверхностей в доме (зеркала, телевизор). Единственным на сегодняшний день примером является сообщение А. И. Павловой о положении топора в углу и нахождение его в течение 40 дней: «вот эти углы, эти, как его были столики, так еще до сорока дней ложили топоры. <...> шобы его душа по дому не ходила, шоб она была определена, как придавливали». Потом этот топор продолжал служить по прямому назначению [21].

Накрывая предметы, в одних случаях использовали любую имеющуюся по размеру ткань, в других — скатерть со стола [20]. Гроб обязательно ставили на стулья, близ покойного располагали лавки, которые накрывались тканью.

Для предотвращения специфического запаха следовало набрать в тазик воды, добавить марганца и положить топор [20]. Отмечалось также, что использовали «известку в ведро там ставят и все» (под гроб) [23].

Повсеместной практикой в сельской местности было приглашение женщин, которые читали молитвы по покойнику. Зачастую к отпеванию священнослужителя не приглашали, в крайне редких случаях отвозили гроб покойного в церковь для совершения чина погребения. Подобный случай зафиксирован только в хуторе Обуховском [28] и хуторе Коньгине [29; 25]. Если в православной среде преимущественно молились за покойного женщины (крайне редко приглашали «пасоломщика»), то в старообрядческой среде приглашался мужчина, который «читал по покойнику», не исключением были и женщины. Длительность подобных молебствий варьировалась от 2 часов [20] до «покойник лежит, а ты читай, читай, и читай, и читай. Пока его не вынесут» [24]. Все респонденты отмечают, что партийных не отпевали. Так, в городе Семикаракорске председателя сельского совета «Мария Николаевна. Ее хоронили. Она сразу сказала. Она была партийная. Николай Иванович партийный (муж — В. К.). Не зовите батюшку. Греха не буду набираться на том свете. Без попа хоронили» [20].

Также необходимо отметить, что практически все респонденты не знают, что именно читали о покойном. Только в одном случае мы встретили уточнение — в старообрядческой среде. Так, В. А. Извощикова рассказала: «В течение этих дней, а как же. Псалтирь, Псалтирь, Псалтирь, вот все время Псалтирь. И когда уже вынос к 20 кафизму вот вычитываем вот и так вот все и, если в какой, но у нас такого не было. Правда Коля у нас, он исповедовался, но мало вот и Паисию (канон Паисию Великому об умерших без покаяния — В. К.)» [24]. Все остальные респонденты оговаривались: знают женщины, которых приглашали молиться и «все то, что священник читает».

Респонденты также отмечают, что гроб «носили только на руках, на полотенцах. Если только зимою да когда на санях привозили покойника» [20]. Конечно, были и случаи, когда гроб с покойником перевозили с помощью автомобилей [26; 30], «трактор на телеге» [24]. Важным элементом похоронной процессии были остановки, которые совершались (не менее 3 раз) на перекрестках с ожиданием в 15–20 мин. В. А. Извощикова добавляет, что необходимо было к кладбищу идти по солнцу (согласно ста-

рообрядческой церковной традиции). Совершенно неважно, откуда несли гроб. Были случаи, когда обходили стороной всю станицу [24]. Она также упомянула о читаемых молитвах на остановках в процессе переноса тела от дома к кладбищу: «я ж тебе говорю, Отче наш читается. Пресвятая Богородице читаешь. <...> А то вообще... Святые Боже, Святые Крепкие, Святые Бессмертные, помилуй нас» [24]. Респондентами отмечается, что похоронная процессия растягивалась на достаточно длинные расстояния, так как в ней принимали участие не только близкие, родные, друзья, но и все знакомые покойного (общая тенденция).

По сведениям Л. М. Мерзляковой, в станице Мелиховской для представителей местной партийной элиты организовывались пышные похороны. Всю процессию сопровождал оркестр, множество было пионеров и комсомольцев. На кладбище зачитывали достижения этого человека, преданность служения пролетариату и коммунизму [22]. Подобные примеры наблюдались в х. Обуховский [28]. В хуторе Маломечетном подобные траурные мероприятия не организовывались [23], а в городе Семикаракорске «нас всех с оркестром провожали. Тогда везли по станице и уже видим, везуть, по-нашему ж переулку» (современный 14 переулков — В. К.) [20].

Атрибуты похорон. Несколько респондентов нам сообщили о необходимости использования денежных средств в процессе похорон. В одних случаях деньги клали на глаза «пятки», чтоб закрыть глаза покойнику (город Семикаракорск, хутор Больше-Кузнецовский), в других — клали в правый карман [22] и в сам гроб [23]. Отмечалось также, что деньги были одним из важных погребальных атрибутов: «Я твоей Люде, племяннице, сказала, что вы не забыли матери положить деньги? Она говорит, да нет, не забыли положили, потому что она мне что-то снится, снится без конца» [23]. Необходимым женским атрибутом были волосы и ногти. По сообщению самих респондентов, данная традиция постепенно уходила из всеобщего употребления [26]. Так, жительница станицы Раздорской Т. А. Горлова говорит: «Вот остригаете волосы, потом Бог с вас спросит, за каждую волосинку. Как бы они были, все мое с собой. Бывали и за ногти

говорили, что нельзя стричь ногти» [26]. Так, А. Я. Забазнова сообщает, что еще с детства она слышала о сборе волоса в подушку: «та волосы там вылазят, в подушку, на подушку, все это...» [27].

Как отмечают респонденты, в одних случаях эти волосы собирали для набивки подушки покойнику [24], в других — сжигали в печи [26]. Практически повсеместно погребальную подушку набивали древесной стружкой (как мужчинам, так и женщинам), в некоторых случаях — волосами, сухой травой [24] или мелко нарезанными тряпками [20].

Еще одним атрибутом похорон являлись полотенца, тряпки и веревки, которые использовали для переноса гроба покойного и отправления его в погребальную яму. Сообщалось, что эти веревки заблаговременно были приготовлены и находились в сарае [20].

Также стоит сказать и о церковных атрибутах покойного. Респонденты отмечают, что необходимым атрибутом для погребаемых (мужчин и женщин) был «венец божественный и крест». Определенное место в жизни старообрядцев занимает наличие пояса. Пояса имеют разное назначение: одним поясом старообрядца опоясывали при крещении, другим для молитвы (в некоторых случаях носился и в повседневности). В погребальной символике опоясывание не является исключением. Так, В. А. Извощикова сообщает, что покойника опоясывали длинным поясом из ткани «... не то 10, 15 метров я вот такой пояс делала...» поверх савана. Далее нужно было несколько раз его обернуть (сверху и снизу): «во-первых, его ложишь отсюда вот сюда перекрещиваешь, сюда перекрещиваешь, отсюда перекрещиваешь и сюда перекрещиваешь. Накидываешь на шею, вот так под шею подвязываешь и вот тебе вот это все. Делаеть, (на животе — В. К.) и получается у тебя три раза и вот тут (в ногах — В. К.) уже перелаживаешь» [24].

Советская символическая политика внесла свои коррективы в оформление гробов. Появилась необходимость в обивке гробов красным и черным цветом. Все без исключения респонденты сообщают о важности оформления гроба (снаружи и внутри). Однако цвет и материал использовался разный. В некоторых населенных пунктах отмечаются условно-воз-

растные особенности, согласно которым обивали гроб: «ну, красный, это когда человек молодой. А когда пожилой человек, черным» [23]. Практически повсеместной практикой была обивка гроба красный атласным (при наличии) материалом (снаружи и внутри). Исключением из правил была практика обивки бумажными обоями, при отсутствии другого материала (хутор Обуховский).

Характерной принадлежностью к христианской религии являлось наличие надгробного креста. В похоронной процессии респондентами отмечается, что впереди несут крест, в старообрядческом варианте лампаду («илей, елей»), потом крест.

Нельзя не упомянуть о стандартизации формы гроба (к плечам расширяется, к ногам сужается), погребальной ямы и надгробного холма. Все респонденты отмечают глубину ямы — 2 м («как закон был»), ширину — «чтоб поместился». Упоминаний о подбойных могилах и коллективных захоронениях не выявлено. Поверх закопанной ямы насыпали невысокий холмик. С восточной стороны располагался крест («на восток должны ноги быть»). В станице Манычской и хуторе Маломечетном использовался еще плоский небольшой камень «чтоб в руки помещался» [23; 24].

Неотъемлемой частью похоронно-погребальной практики являлось прощание с покойным (мужчина и женщина). Все респонденты отмечают, что данный этап наступал после омовения и одевания его в смертную одежду. После чего покойного полагали в гроб, где в любое время (кроме ночи) к нему могли стекаться близкие и знакомые. Прощание осуществлялось не только в доме, на улице, но и на месте его последнего пристанища (кладбище). Здесь респонденты отмечают, что, прощаясь с покойником, целуют крест в его руках и налобный венчик. Лобзание частей тела (рук, головы) вызывало обеспокоенность присутствующих и не являлось характерной чертой погребальной символики. Все респонденты заключают положение рук покойного — правая поверх левой.

После того, как гроб закроют и опустят на дно погребальной ямы, все присутствующие подходят и берут в правую руку землю и трижды бросают горсть земли вниз. Ю. В. Кальниченко от-

мечала: «почему-то считается, что ты должен землю кидать, не этими как говорить граблями, а брать вот так и кидают три раза. Двумя руками. А, я помню, отец говорил, ты, куда кидаешь землю? Как курица гребешь землю» [23]. В этот момент участники похорон в последний раз прощались с покойным. Необходимо было ему что-то пожелать. По сообщениям респондентов можно выделить несколько основных: «Пусть земля тебе будет пухом», «Царствие Небесное», «Упокой Господи, душу раба твоего, вот так вот. Ага, упокой Господи, да».

Поминальные дни и поминальный стол. Появление холма на могиле покойного выступало в качестве завершающей части прощания, и наступало время поминальных мероприятий. После похорон людей приглашали домой на «помины» покойного. Чаще всего основными их организаторами были родственники и местом проведения — подворье покойного или его близких родственников (дети, внуки). Практически повсеместно к столу приглашались и взрослые, и дети. За исключением хутора Маломечетного («дети это после») [23]. Общей тенденцией также были и поставляемые блюда. Прежде всего, повсеместно «кутья». Наличие сваренных яиц встречается только в городе Шахты, хуторе Исаевском, станице Мелиховской, станице Раздорской, хуторе Коньгине. По мнению нескольких респондентов, в одном случае съеденное яйцо отпускало грехи [25; 26; 29; 30], в другом случае — отпускалось покойному 40 грехов [21]. На первое блюдо ставилась лапша или борщ. На второе — «картошка с гуляшом» или с котлетой, реже с рыбой. Также готовили пирожки. Все респонденты в один голос сообщают об использовании за столом в качестве столового прибора — ложку.

Обязательно на столе должен был стоять стакан с водой, покрытый кусочком хлеба (иногда его называют для покойного). По сообщениям респондентов вода и хлеб также являются жертвой во имя покойного (в его память). В хуторе Мостовском на стол всегда ставили стакан не с водой, а с водкой [20]. Данный атрибут (вода/водка и хлеб) поминального стола повсеместно располагался «в святом углу».

В православной среде в советский период крайне редко ставили постный поминальный стол (в период поста). Как сообщают респон-

денты, с одной стороны, никто не обращал на это внимания [20]. С другой — тот, кто читал по покойному, ему старались приготовить постные блюда [23].

Что же касается остальных напитков, то основным был взвар и вино. Во время поминального стола не принято было произносить тостов, исключением были хорошие воспоминания о покойном. В старообрядческой среде станицы Манычской было принято держать слово о покойном: «если ты грамотный, вот, то когда ты начинаешь, то благослови Господи, упокой так это вот, а когда уже ты закончил, то есть он вот как мы простые люди вот, то просто будешь, помолишь конец этого, закрываешь пятнадцать этими поклонами» [24].

На 9-й день после смерти покойного повсеместно разносили пышки с медом, иногда со сметаной по соседям и знакомым. На 40-й день специально приглашали помянуть. В данном случае приглашали близких родственников и знакомых (ограниченный круг). По завершении поминальных мероприятий повсеместно брали с могилы землю в платочке и относили в церковь (для заочного отпевания). В этот же день необходимо было избавиться от воды в стакане и хлеба. Ю. В. Кальниченко отмечает, «когда он же 40 дней просчитали, за калитку вышли, молитву просчитали, перекрестились, воду выливаем, стакан выкидаем, хлеб там курам или кто поедят» [23]. В станице Раздорской достаточно было воду вылить «под дерево, куда омывали» [26].

Представления о загробном мире. На наш взгляд, представляется интересной связь живых с умершими и интерпретация живыми загробного мира. Следует сказать, что данная связь осуществляется во сне. В данном случае для нас примечательным является не только воспроизведение респондентом событий во время сна и как им интерпретируются сны, но и последующие действия респондента. Разнообразие снов и интерпретаций вынуждают нас классифицировать полученные данные. Здесь также необходимо отметить, что в основе представления о загробном мире респондентов лежат рассказы старого поколения, попытки выяснить у умершего предка данную информацию и образованность (того, кто рассказывает и кто внимает).

По сообщению А. И. Павловой: «Если он в Бога верил, он попадает в рай, а если он не верующий, и который с людьми обращался плохо, и ненавидел людей, вот, и вот тогда в ад сжигали там, все, что они там делали, я уже не знаю» [21]. Она также рассказывала о посмертном участии души по истечении 1 года. Так, в течение этого времени душа ищет себе пристанище и находит себе утешение там, где она нагрешила: «год сравняется он уже 40 дней он уходит это душа его уходит человека 40 дней и это душа значит мотается на небе там вот и ищет приколы и говорят так если грешный дюже там тем живется» [21].

При этом мы встречаем и другие мнения на тему загробного мира. А. В. Богучарсков сообщал, что о том свете от стариков он ничего не слышал, «на эту тему они не говорили» [20]. Об этом также сообщает респондент из хутора Мостовского [20]. Ю. В. Кальниченко заключала, что о загробном мире знают те, кто «много читают книг, то только это» [23]. Данный тезис подтверждает Т. А. Горлова, которая говорит, что специально об этом читала (о мытарствах) [26]. Несколько подробнее об этом говорила В. А. Извощикова: «на земле ангел у нас, стоит уже у нас, вот, провожает нас, и который ведет, третий ведет нас к Господу, уже на престол. Тут уже он обороняет их всех этих, вот, как может, сколько в этой душе дал, душа это сделала благодетель. Что они уже борются за эту душу. И дай Господи, чтоб всё это дошло до престола» [24]. Т. А. Горлова замечает, что у покойника правая рука должна быть свободна, «как говорили, чтоб он перед Богом предстал и мог перекреститься» [26].

Определенное место в понимании о загробном мире занимают сны. Так, одним респондентам являлись во сне их мужья, матери и отцы. В одном случае наш респондент обращалась к своему мужу, чтоб он ее забрал к себе, на что он похлопал ей по плечу, приговаривая, что не время и ее ждет долгая и счастливая жизнь [20]. В ином случае «когда моя мамка умерла (Давыдова Матрена Прохорова — В. К.). <...> И подумаешь, мне приснился сон. Иду я куда-то, она бежит по берегу голая» [23]. В таком случае говорили, что нужно приобрести платье и передать его, например,

соседке. Т. А. Горлова рассказывала другой пример взаимоотношения с умершим. Так, однажды ей приснился ее отец: «как он идет со стороны, я говорю, па, ты чо пришел? Ты же умер. А он говорит, та эта же землю продала» [26]. Некоторое время спустя выяснилось, что ее сестра, действительно, продала землю.

Выше мы уже отмечали необходимость положения на могилу плоского небольшого камня (станция Манычская, хутор Маломечетной), но в данном случае любопытны его интерпретации. Стоит также сказать, что наличие надгробного камня на могиле не являлось маркером принадлежности к старообрядчеству, скорее, оно определяло местную традицию. Наличие надгробного камня на могиле вместе с крестом или в его отсутствии создавало поле интерпретаций. При этом границы интерпретаций определялись локальным опытом и мышлением. Так, В. А. Извощикова сообщала, что камень является неким сигналом для Ангела Хранителя, который «к этой душе приходит». По рассказам респондента подобные камни подвергались окрашиванию в «голубенький, или там зелененький, или даже

беленький, какой вот тебе, оградку там, и его украсишь» [24]. Необходимо также учесть, что окрашивание камня было необходимо с практической точки зрения: «когда придешь 10 лет раз, вот, да хоть он крашеный, и вот он как-то все равно себе засыпается, но все равно он может его найти, этот камушек» [24]. По мнению Ю. В. Кальниченко камень нужен был покойнику, чтобы на него встать и идти к небу [23].

Таким образом, в ходе проведенного нами исследования удалось подробно описать предсмертные ожидания, чувства, внешние проявления, подготовку человека к смерти; выделить комплекс употребляемых атрибутов православных и старообрядцев; описать интерпретации о загробном мире, а также представить все многообразие похоронно-погребальных практик сельского населения Нижнего Дона в советский период. Особенность изучения данной проблематики заключается не только в недостаточной изученности, профессиональном многообразии казачьего населения, но и степени трансформации традиционной культуры в рассматриваемый период.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Nagel, T. *Mind and Cosmos. Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature Is Almost Certainly False.* — New York : Oxford University Press, 2012. — 130 p.
2. Нагель, Т. Аналитическая философия и человеческая жизнь / Перевод с англ. В. В. Целищева. — Москва : Издательство Канон-плюс, 2024. — 304 с.
3. Нагель, Т. Что все это значит? Очень краткое введение в философию / Пер. с англ. А. Толстова. — Москва : Идея-Пресс, 2001. — 84 с.
4. Донские казаки в СССР : [монография] / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. — 336 с.
5. Власкина, Т. Ю. Похоронно-поминальные обычаи и обряды донских казаков / Т. Ю. Власкина // Традиционная культура. — 2004. — № 4 (16). — С. 35–47.
6. Пальгов, С. Ю. Погребально-поминальный ритуальный комплекс населения Нижнего Поволжья и Подонья: обмывание и одевание усопшего / С. Ю. Пальгов, В. А. Шилкин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2014. — № 3 (1). — С. 97–100.
7. Кальниченко, В. Н. Погребальные практики старообрядцев Дона в советский и постсоветский период / В. Н. Кальниченко // Изучение и сохранение исторических некрополей : материалы II Региональной научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2023. — С. 240–245.
8. Власкина, Т. Ю. К истокам современных тенденций в развитии народных погребально-поминальных традиций на Дону / Т. Ю. Власкина // Вторичные формы традиционной народной культуры: материалы научно-практической конференции Краснодар, 26–27 ноября 2010 г. / науч. ред., составители Н. И. Бондарь, В. В. Воронин. — Краснодар, 2010. — С. 52–57.

9. Дуглас, Д. Смерть, ритуал и вера. Риторика погребальных обрядов / Перевод с англ. К. Колкуновой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022. — 480 с.
10. Капканов, Е. Н. Проблемы переноса станичных погостов в ходе строительства Цимлянско-го водохранилища на примере хутора Челбин / Е. Н. Капканов // Изучение и сохранение исторических некрополей : материалы II Региональной научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2023. — С. 246–250.
11. Клейн, Л. С. История антропологических учений / Л. С. Клейн [под ред. Л. Б. Вишняцкого]. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт Петербургского государственного университета, 2014. — 744 с.
12. Douglas, D. Death, ritual and belief. The rhetoric of funerary of funerary rites. — New York : Bloomsbury Publishing, 2017. — 320 p.
13. Соколова, А. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР / А. Соколова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022. — 456 с.
14. Engelke M. The Anthropology of Death Revisited // Annual Review of Anthropology, 2019. — P. 29–44.
15. Алексеенко, Е. А. Старое кладбище Таганрога. Путеводитель / Е. А. Алексеенко, А. В. Юрченко, Е. В. Сирота. — Таганрог : ООО «Издательство «Лукоморье», 2021. — 168 с.
16. Алексеенко, Е. А. Старое кладбище Таганрога. Путеводитель / Е. А. Алексеенко, Е. В. Сирота, А. В. Юрченко. — Таганрог : ООО «Издательство «Лукоморье», 2023. — 2-е изд., пересм. и доп. — 188 с.
17. Деняев, М. А. Погребальная обрядность донского казачества в XVII–XVIII веках (по материалам археологических исследований в станице Старочеркасской) / М. А. Деняев // Изучение и сохранение исторических некрополей : материалы II Региональной научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2023. — С. 27–35.
18. Масловский, А. Н. Топография русских могильников конца XVII — конца XVIII веков в Азове / А. Н. Масловский // Изучение и сохранение исторических некрополей : материалы II Региональной научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2023. — С. 18–26.
19. Прудников, Я. В. Православные кресты Донецкого казачьего городка / Я. В. Прудников // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы II Региональной научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2023. — С. 36–45.
20. Респондент: N, 20.08.1929 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Семикаракорский район, г. Семикаракорск. Продолжительность 87 мин. Запись 11 августа 2024 г. // Личный архив автора.
21. Респондент: Павлова Александра Ильинична, 1933 г. р. Интервьюер: Павлова. Место проведения: Ростовская область, Усть-Донецкий район, хутор Исаевский. Продолжительность 38 мин. Запись 31 июля 2024 г. // Личный архив автора.
22. Респондент: Мерзлякова Людмила Михайловна 1957 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Усть-Донецкий район, станица Мелиховская. Продолжительность 55 мин. Запись 15 января 2022 г. // Личный архив автора.
23. Респондент: Кальниченко Юлия Васильевна, 1939 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Семикаракорский район, хутор Маломечетной. Продолжительность 39 мин. Запись 09 марта 2021 г. // Личный архив автора.
24. Респондент: Извощикова Вера Андреевна, 1942 г. р. Интервьюер: Кальниченко В. Н. Место проведения: Ростовская область, Багаевский район, станица Манычская. Продолжительность 47 мин. Запись 12 ноября 2023 г. // Личный архив автора.

25. Респондент: Костина Зинаида Петровна, 1946 г. р. Интервьюер: Кальниченко, Смолякова, Павлова. Место проведения: Ростовская область, Усть-Донецкий район, хутор Коньгин. Продолжительность 82 мин. Запись 22 ноября 2023 г. // Личный архив автора.

26. Респондент: Горлова Татьяна Анатольевна, 1957 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, станица Раздорская. Продолжительность 60 мин. Запись 28 июля 2024 г. // Личный архив автора.

27. Респондент: Забазнова Агния Яковлевна, 1941 г. р. Интервьюер: Кальниченко, Капканов. Место проведения: Ростовская область, Цимлянский район, станица Калининская. Продолжительность 50 мин. Запись 30 октября 2021 г. // Личный архив автора.

28. Респондент: Пантелеева Екатерина Ивановна 1938 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Азовский район, хутор Обуховский. Продолжительность 60 мин. Запись 15 марта 2022 г. // Личный архив автора.

29. Респондент: Герасимова Серафима Ивановна, 1959 г. р. Интервьюер: Кальниченко, Смолякова, Павлова. Место проведения: Ростовская область, Усть-Донецкий район, хутор Коньгин. Продолжительность 82 мин. Запись 22 ноября 2023 г. // Личный архив автора.

30. Респондент: Богучарсков Александр Васильевич, 1959 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Усть-Донецкий район, станица Раздорская. Продолжительность 30 мин. Запись 30 июля 2024 г. // Личный архив автора.